

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70
УДК 327.821,327.81(045)

Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов

А.Э. Безруков^а, К.А. Иванов^б, Е.С. Чимири^с

^{а, б, с} Институт развития интеграционных процессов ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-9321-5830>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7003-6274>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются перспективы и ограничения развития интеграционных процессов в регионе Центральной Азии с учетом наличия нескольких крупных внешних по отношению к региону игроков — России, США и ЕС («коллективного Запада»), и Китая. Актуальность выбранной тематики обусловлена несколькими причинами, среди них — высокая ресурсная емкость региона Центральной Азии, особенности геополитического и геостратегического положения, рост внешнеполитической и внешнеэкономической активности самих стран региона. Авторы статьи исходят из гипотезы, что интересы основных крупных геополитических игроков: России, Китая и Запада, играют в этих процессах одну из важных ролей. Основная проблема, которая рассматривается в данной статье, — насколько интересы крупных игроков совпадают или противоречат друг другу, а также способствуют ли они интересам евразийской экономической интеграции. Исследование проводилось с применением ресурсно-акторного анализа с учетом особенностей поведения внешнеполитических акторов. В ходе исследования были выявлены наиболее конфликтные точки в повестке крупных внешних игроков, определены возможные области для сотрудничества, а также факторы, влияющие на российские интеграционные инициативы в регионе.

Ключевые слова: Центральная Азия; интеграция; Россия; Китай; США; СНГ; ОДКБ; ЕАЭС; «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Безруков А.Э., Иванов К.А., Чимири Е.С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):62-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70

ORIGINAL PAPER

Integration Processes in Central Asia: The Clash of Interests of External Factors

A.E. Bezrukov^а, K.A. Ivanov^б, E.S. Chimiris^с

^{а, б, с} Institute for the Development of Integration Processes,

Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia;

^с Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-9321-5830>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7003-6274>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-9837-8014>

ABSTRACT

The article examines the prospects and limitations of the development of integration processes in the Central Asian region, taking into account several prominent external players in relation to the region — Russia, the United States and the EU (“collective West”) China. The chosen topic is relevant for several reasons: the high resource capacity of the Central Asian region, the peculiarities of its geopolitical and geostrategic position, the growth of foreign policy and foreign economic activity of the countries of the region. The authors of the article proceed from the hypothesis that the interests of the main large geopolitical players: Russia, China and the West, play one of the important roles in these processes. The main problem considered in this article is to what extent the interests of large players coincide or contradict each other and whether they contribute to the interests of Eurasian economic integration. The study was carried out using resource-actor analysis, taking into account the peculiarities of the behaviour of foreign policy actors. The study identified the most conflicting points on the agenda of large external players, possible areas for cooperation, and factors, that influence Russian integration initiatives in the region.

Keywords: Central Asia; integration; Russia; China; USA; CIS; CSTO; EAEU; “One Belt, One Road”

For citation: Bezrukov A.E., Ivanov K.A., Chimiris E.S. Integration processes in Central Asia: The clash of interests of external factors. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):62-70. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70

ОСНОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВНЕШНИХ АКТОРОВ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОНФЛИКТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Для России Центральная Азия имеет важнейшее стратегическое значение, что обусловлено рядом объективных факторов. Протяженность общей границы России со среднеазиатским регионом составляет примерно 7500 км. Со стороны России с регионом граничат 12 субъектов Федерации [1, 2]. Учитывая обстоятельства, связанные с социальной и политической нестабильностью Центральной Азии, южные границы России являются крайне уязвимыми перед лицом распространения радикального исламизма, роста организованной преступности и наркотрафика. Фактически любое кризисное явление высокой интенсивности в регионе в краткосрочной перспективе может стать источником нестабильности не только по периметру границ России, но и привести к росту политической неуправляемости уже внутри Российской Федерации. Все это усугубляется обширными иммиграционными потоками, в том числе нелегальными, из стран Центральной Азии [3]. Замкнутые анклав мигрантов являются питательной средой для распространения радикальных исламистских и экстремистских взглядов.

Рынок республик Центральной Азии также важен для России с точки зрения экспорта готовой продукции. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы и металлургической продукции. При этом значительная часть добываемых в регионе углеводородов экспортируется через территорию Российской Федерации в Европу. И, несмотря на потенциальную опасность, связанную с неконтролируемой миграцией из Центральной Азии, пребывающие из региона мигранты — важный элемент удовлетворения спроса на трудовые ресурсы в России.

Однако, несмотря на очевидную необходимость российского политического и экономического присутствия в Центральной Азии, региону во внешней политике России долгое время отводилась далеко не первостепенная роль. Россия как одно из крупнейших государств мира вынуждена проводить многовекторную внешнюю политику, ориентированную на выстраивание связей со множеством игроков. С другой, оказавшись после событий на Украине в 2014 г. в ситуации санкционного давления и жесткого противостояния со

странами Запада, Россия была вынуждена стать намного более избирательной в формировании собственных внешнеполитических приоритетов. Так, вскоре после начала эскалации отношений с «коллективным Западом» был объявлен «поворот на Восток». Интенсивность экономических и политических контактов России как с Китаем, так и со странами Центральной Азии возросла многократно. Эти исторические сдвиги в российской внешней политике совпали с выходом на новую ступень процесса евразийской интеграции и выдвижением ряда стратегических инициатив КНР [1].

Для Китая, в свою очередь, Центральная Азия также представляет существенный интерес. Для китайского политического руководства, как и для российского, интерес к региону имеет два измерения: стратегическая безопасность (противодействие экстремизму, сепаратизму и терроризму) и экономическое сотрудничество. На первый взгляд, интересы России и Китая в Центральной Азии полностью совпадают, и обе великие державы обречены на кооперацию и согласование действий в регионе. Однако приоритеты Китая и России имеют ряд отличий, что препятствует полноценному конструктивному взаимодействию двух государств. В частности, Китай на сегодняшний день не готов предпринимать активные действия по обеспечению политической стабильности региона. Во-первых, это объясняется традиционной позицией Китая о военном невмешательстве и приоритетном использовании иных инструментов политического урегулирования главным образом — экономических. Во-вторых, КНР несет существенные убытки по сдерживанию собственного регионального сепаратизма в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном округе, что сужает для него круг возможностей по непосредственному политическому и военному воздействию на ситуацию в Центральной Азии. Следует учитывать и наличие антикитайских настроений среди населения ряда центрально-азиатских республик. С одной стороны, сохранение такого положения вещей для России, играющей на сегодняшний день в регионе ведущую роль в сфере военной безопасности (российские военные базы расположены в Таджикистане и Киргизии), крайне выгодно. Военное присутствие компенсирует другие слабые позиции России, например экономические. С другой — в случае проявления масштабного кризиса, ставящего под угрозу политическую и социальную стабильность

региона, есть риск, что Россия окажется один на один с необходимостью проведения активных мероприятий по урегулированию возникшей конфликтной ситуации.

Что касается экономического взаимодействия, то и здесь у России и Китая есть несогласие по ряду позиций. Центральная Азия является для Китая важнейшим источником углеводородов. Китайские компании становятся все более активными игроками в энергетическом секторе региона. Если в 1990-х гг. интересы Китая в энергетической сфере Центральной Азии были сосредоточены главным образом на нефтегазовой отрасли Казахстана, то с начала 2000-х гг. инвестиционная активность КНР начала затрагивать и другие государства региона с их энергетическими отраслями. В первую очередь это касается Туркменистана, который обладает четвертыми по величине запасами газа в мире и является главным центральноазиатским экспортером его в Китай. В основном за счет поставки газа доля КНР в экспорте Туркменистана составила почти 70%: в одном только 2017 г. Туркменистан поставил в Китай в общей сложности свыше 30 млрд куб. м газа [4].

В перспективе между Китаем и Россией возможно соперничество за доступ к углеводородным ресурсам региона. Россия активно использует энергетические запасы Центральной Азии для экспорта в Европу. Переориентация государств региона на Китай ставит под сомнение роль России как транзитного государства и надежного поставщика ресурсов. Кроме того, Центральная Азия вполне может выступить транзитным регионом для транспортировки углеводородов из государств Ближнего Востока и Ирана [4]. В этом случае поставки нефти и газа для Китая станут значительно дешевле, что может негативно сказаться на потребности КНР уже в российских ресурсах.

Экономическая экспансия Китая в Центральной Азии не ограничивается нефтегазовым сектором. КНР имеет устойчиво высокий интерес к развитию инфраструктуры в регионе. Главным флагманским проектом Китая в этой сфере является инициатива «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП). Основная цель проекта — создание и объединение транспортной инфраструктуры Китая, Центральной Азии, Южной Азии и Европы. Успешная реализация инициативы позволит КНР значительно нарастить товарные потоки в европейские государства и укрепить свое эко-

номическое влияние в мире. Китай также готов взять на себя основную часть затрат по созданию и совершенствованию инфраструктуры в странах, готовых принять участие в проекте. При этом реализация ЭПШП была поддержана Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Так, 8 мая 2015 г. подписано совместное заявление России и Китая о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). При этом стоит признать, что проекты ЕАЭС и ЭПШП являются конкурирующими [6]. Конечно, на первый взгляд, у России и Китая в данном случае цели схожи, а потенциал для кооперации очень высок. С одной стороны, успех инициативы позволит стабилизировать социально-экономическую и политическую обстановку в Центральной Азии путем значительного повышения уровня внешних инвестиций и сформировать экономическую интеграционную модель, которая в еще большей степени подорвет доминирование «коллективного Запада». С другой — финансовые возможности Китая и его ориентация именно на двусторонние отношения [5] со странами региона, а не с объединенными интеграционными блоками, в том числе ЕАЭС, в перспективе может подорвать позиции России как одного из главных субъектов интеграционных процессов в Центральной Азии. Более того, в отличие от стран Запада и России, Пекин не вмешивается в политические процессы центральноазиатских стран и не оказывает на государства региона политическое давление, чтобы удержать его в зоне своего геополитического влияния, что является значительным преимуществом Китая с точки зрения политического руководства республик Центральной Азии [6].

Что касается «коллективного Запада», то здесь необходимо признать, что решающая роль в ретрансляции его интересов в Центральной Азии принадлежит США. Однако, если у Китая и России на протяжении долгого периода времени существовали и продолжают сохраняться постоянные приоритеты в части собственного позиционирования в регионе, то политика Соединенных Штатов в Центральной Азии за последние 20 лет претерпела определенную эволюцию. Если до 2001 г. Центральная Азия являлась для американского политического руководства регионом периферийным и не представляющим особого интереса, то после событий 11 сентября 2001 г. и начала военной кампании в Афганистане регион стал важнейшим плацдармом с точки зрения

достижения стратегических успехов в рамках разворачивающихся военных действий. Однако интерес к региону не ограничивался только военной сферой. США (как и в Восточной Европе) в Афганистане взяли на вооружение концепцию агрессивной демократизации. Предполагалось, что это позволит сформировать благоприятные условия для снижения радикальных исламистских настроений и экстремизма.

При этом стоит отметить, что, конечно, целью США была не только борьба с исламистскими организациями экстремистского толка, но и сдерживание набирающих силу России и Китая. «Демократические» лояльные США режимы должны были в перспективе не позволить Китаю и России стать доминирующими державами в Азии и, соответственно, способствовать сохранению американских лидерских позиций в мире. В 2005 г. в США был презентован геополитический проект под названием «Большая Центральная Азия», согласно которому Вашингтон предполагал сформировать единое военно-стратегическое пространство, состоящее из государств Центральной Азии и Афганистана, а впоследствии объединить «Большую Центральную Азию» с подобным проектом «Большой Ближний Восток» [7].

Однако неудачи в Ираке и Афганистане (как в военном плане, так и в части демократизации), избрание в 2008 г. президентом Барака Обамы и приход к власти демократической администрации значительно изменили подходы США в Центральной Азии. По сравнению с предыдущим периодом интенсивность присутствия США в регионе заметно снизилась. Политика Б. Обамы в Центральной Азии стала характеризоваться оппонентами внутри страны как непоследовательная, противоречивая, пассивная, сопровождающаяся общим отступлением, закрытием баз, нежеланием радикально вмешиваться в дела стран региона (например, посредством «цветных революций»). В 2014 г. ситуация стала меняться в обратном направлении. События на Украине и новый период конфронтации с Россией поставили перед американским политическим руководством задачу поиска инструментов сдерживания России. Попытки снижения влияния Российской Федерации в Центральной Азии стали одними из них. В этой связи, несмотря на вывод войск США из Афганистана, внимание к региону со стороны американского истеблишмента вновь усилилось. Новый план модернизации отношений с Центральной Азией был представ-

лен в 2015 г. Во главу угла ставилось не только наращивание экономической помощи странам Центральной Азии, но и их вовлечение в более масштабный проект «Нового шелкового пути» (НШП) (был объявлен в 2011 г.), который должен был направить ресурсы региона, особенно энергетические и сырьевые, в сторону таких южных гигантов, как Индия и Пакистан, где явственно ощущается дефицит газа и электричества [8]. При этом дискуссия о необходимости политических преобразований в республиках региона ушла на второй план.

Избрание же президентом США Дональда Трампа радикальных изменений в американскую стратегию в регионе не привнесло. США продолжили активно использовать инструменты адресной экономической помощи. Однако, как показала практика, на сегодняшний день США не готовы инициировать масштабные и дорогостоящие проекты, как Китай. Если КНР имеет возможность взять на себя обязательства по реализации проекта ЭПШП, то США не могут себе позволить полностью профинансировать НШП. Недостаток финансовых ресурсов и географическая удаленность объективно снижают возможности политического и экономического присутствия США в регионе. Более того, одним из приоритетов Вашингтона является снятие с себя ответственности за стратегическую стабильность в Афганистане и переложение этого бремени на другого внешнего актора, желательно на Китай.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

Крупнейшим интеграционным объединением на территории региона является Содружество Независимых Государств (СНГ). Изначально предполагалось, что СНГ станет институтом, который позволит отрегулировать отношения между бывшими республиками СССР в самых различных сферах: от безопасности до экономики. Однако СНГ оказалось перед лицом серьезных кризисов и вызовов, которые не позволили ему реализовать свой потенциал. Главным образом, речь идет о конфликте между Россией и Грузией в 2008 г. и между Россией и Украиной в 2014 г. СНГ не смогло стать механизмом разрешения споров между государствами-членами. В итоге интеграционные процессы на территории постсоветского пространства, в том числе в регионе

Центральной Азии, получили свое продолжение уже в рамках других объединений.

С точки зрения обеспечения безопасности вдоль южных границ и развития военно-политической интеграции, для России важнейшим инструментом является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На сегодняшний день помимо России, Армении и Белоруссии в ОДКБ входят следующие страны Центральной Азии: Киргизия, Казахстан и Таджикистан. На первый взгляд, ОДКБ достаточно сильная организация с централизованной системой управления, способная проводить оперативные действия с целью предотвращения угроз и стабилизации военно-политической ситуации в регионе. Так, у ОДКБ имеются: Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР), Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) и Коллективные авиационные силы (КАС). Потенциально в случае возникновения масштабного кризиса в Центральной Азии, представляющего серьезную опасность национальной безопасности и политической стабильности стран региона, именно ОДКБ должна стать основным механизмом «умиротворения».

Однако внутри Организации имеются определенные противоречия, которые мешают ее дальнейшему развитию и превращению в полноценный инструмент обеспечения региональной стабильности. Частично это связано с природой создания ОДКБ. Организация была сформирована в 2002 г. на базе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), заключенного в 1992 г. Важно упомянуть, что до момента создания ОДКБ свои подписи под ДКБ ставили Грузия, Азербайджан и Узбекистан. К концу 1990-х гг. указанные государства покинули ДКБ и не принимали участие в создании Организации. Здесь необходимо указать, что, наверное, основным стимулом к сотрудничеству в 1990-е гг. в таком формате стало скорее стремление сохранить остатки советской ценностно-идеологической общности, чем потребность в отражении внешних угроз. ДКБ был рыхлым объединением без серьезной функциональной составляющей. Часть государств не хотела брать на себя существенные обязательства и способствовать военно-политическому усилению России, которая бы, очевидно, заняла главенствующую роль в структуре. В этой связи смена внешнеполитической ориентации моментально привела к тому, что эти страны покинули объединение. Наиболее примечателен

здесь пример Узбекистана, который в силу сугубо конъюнктурных причин в 1999 г. покинул ДКБ, затем в 2006 г. вступил в ОДКБ, а в 2012 г. вновь вышел из Организации.

Кроме того, серьезным препятствием для наращивания позиций Организации в регионе являются ее нормативные установки о невмешательстве во внутренние дела государств-членов, что входит в серьезное противоречие с потребностями эволюции ОДКБ. Данное военно-политическое объединение сильно ограничено в своих функциональных возможностях. Другими словами, если одна из стран Центральной Азии у своих внешних границ столкнется с угрозой для своей безопасности, то силы ОДКБ имеют право вмешаться в ситуацию. Однако в случае переворота в одной из них и прихода к власти радикальной исламистской группы соответствующая реакция ОДКБ становится невозможной. При этом дестабилизация региона примет неотвратимый характер. Во многом это связано с тем, что государства — члены ОДКБ опасаются чрезмерного усиления России и не могут позволить легитимизировать ее действия на случай собственного внутреннего политического кризиса.

Другим интеграционным проектом, одна из основных задач которого — формирование условий для кооперации в сфере безопасности в регионе, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). У истоков ШОС стояли Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия. Создание Организации стало естественной реакцией на серьезную угрозу превращения региона в район постоянной нестабильности из-за резкой активизации терроризма и радикального исламизма. Также для России и Китая формирование и дальнейшее развитие ШОС являлось хорошей возможностью объединить под своей эгидой усилия и потенциалы центральноазиатских государств для сдерживания экспансии США, которая стала реальной угрозой из-за значительного усиления американского военного присутствия в регионе после начала боевых действий в Афганистане.

За годы своего существования ШОС продвинулась далеко вперед и из консультативной структуры постепенно превратилась в крупнейшую региональную организацию, взяла на себя функции одного из гарантов стабильности и мирного развития не только в Центральной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Наиболее значимым событием в истории Организации

стало вступление в нее в 2017 г. в качестве полноправных членов Индии и Пакистана.

Однако на пути развития Организации имеются определенные преграды, мешающие превращению ШОС в полноценный региональный центр политической силы. Речь главным образом здесь идет о взаимных противоречиях между государствами-членами и невозможностью достижения консенсуса относительно формирования общей внешнеполитической стратегии. Данное утверждение также подтверждается рядом экспертов из США, с точки зрения которых разногласия между членами ШОС не позволяют им достичь быстрых результатов в части дальнейшего углубления сотрудничества в рамках Организации [9].

Индия и Пакистан, несмотря на их активное участие в деятельности Организации, имеют гораздо большую историческую связь с «коллективным Западом». Более того, у Индии с Китаем сохраняются определенные приграничные противоречия. Таким образом, формирование на базе Организации полноценной военно-политической структуры, бросающей вызов аналогичным западным интеграционным институтам, невозможно. Также относительно будущего ШОС имеются противоречия и у России с Китаем. Руководство КНР убеждено, что политические и экономические аспекты деятельности ШОС должны иметь равноправное значение, а в будущем возможно превалирование экономической составляющей. Россия же считает, что традиционный смысл существования Организации — борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, и она должна сохранить эту роль. Стоит подчеркнуть, что в рамках ШОС так и не удалось реализовать ряд значимых инициатив Китая. Политическое руководство КНР предлагало создать правовую базу для Зоны свободной торговли, Деловой совет, Банк регионального развития и, учитывая уроки экономического кризиса 2008–2009 гг., антикризисный фонд. Эти инициативы тем или иным образом были отведены Россией или странами Центральной Азии. Россия и Казахстан осознают, что предоставление Китаю большей экономической свободы в рамках Организации сделают из КНР единственного и непререкаемого лидера. В этой связи для России наиболее приоритетным вариантом развития экономической интеграции является Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

ЕАЭС был создан в 2014 г. и пришел на смену Евразийскому экономическому сообществу. За

13 лет существования Евразийского экономического сообщества (с 2001 по 2014 г.) были достигнуты следующие значимые результаты в части углубления экономической интеграции: введение режима свободной торговли; установление единой системы тарифного и нетарифного регулирования; образование единого финансового и энергетического рынка; обеспечение свободы движения капитала; создание равных условий предпринимательской деятельности; сближение и гармонизация национальных законодательств [10]. С точки зрения российского политического руководства ЕАЭС — один из главных инструментов позиционирования России в качестве одного из ведущих акторов в международном политическом и экономическом пространствах.

Эталоном для дальнейшего развития ЕАЭС является Европейский союз — интеграционная группировка с самым большим в мире количеством полномочий в сфере политического и экономического регулирования, переданных на надгосударственный уровень. Однако на пути строительства аналога ЕС на территории бывших советских республик постсоветского пространства, в том числе государств Центральной Азии, имеются свои проблемы. Так, например, если ЕС изначально формировался странами, фактически имеющими одинаковую структуру экономики, схожий уровень технологического развития, идентичные политические институты, то создание ЕАЭС происходило на базе государств с существенно разными показателями социально-экономического развития и особенностями политического устройства. Во многом это же обстоятельство наравне с разнонаправленными внешнеполитическими ориентирами затрудняет процесс присоединения других государств.

Например, часть стран (Узбекистан и Туркменистан) пошли по пути установления жесткой формы диктатуры во внутривнутриполитическом поле, а другая часть (например, Казахстан) сформировали более мягкие формы авторитарной модели управления. Аналогичная ситуация прослеживается и в экономическом контексте. Если, например, Казахстан стремится создать развитый класс малых и средних предпринимателей, частично либерализуя экономику, то Узбекистан в большей степени полагается на жесткие централизованные, управляемые государством шаги в экономике. Отдельной проблемой является высокая доля теневого сектора в экономиках среднеазиатских государств. Все это значительно усложняет про-

цесс поиска удовлетворяющей всех процедуры согласования экономических и политических вопросов в регионе с целью расширения и развития приоритетных для России интеграционных группировок, в том числе ЕАЭС. Проблемой для ЕАЭС в лице России также остается экономическая конкуренция с интеграционными инициативами Китая. В частности, речь идет о суперпроекте Китая «Один пояс, один путь». Именно в рамках него и продвигаются инициативы по созданию ЭПШП.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С УЧЕТОМ ИНТЕРЕСОВ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

Для России реализация собственных интеграционных проектов в Центральной Азии — объективно важнейший внешнеэкономический и политический приоритет, приобретший после событий 2014 г. совершенное иное значение. Россия стремится к очевидному лидерству в центральноазиатских интеграционных процессах, стараясь максимально замкнуть на себе вопросы, связанные с экономической и политической кооперацией в регионе. Однако именно такая модель развития интеграции, а именно — создание жесткой структуры надгосударственного управления — как в экономической, так и военно-политической сферах, вызывает наибольшее противодействие со стороны других внешних игроков.

Принципиальная позиция России сильно отличается от текущего видения ситуации как Китаем, так и «коллективным Западом». Предлагаемые другими акторами (в особенности, Китаем) проекты рассчитаны на мягкую экономическую кооперацию без необходимости брать на себя обязательства по скорейшему углублению интеграционных процессов и делиться суверенитетом. Россия, по сравнению с другими игроками, не имеет таких же материальных ресурсов и не может конкурировать в части обеспечения социально-экономического роста. В этой связи Россия вынуждена полагаться на политические методы, а именно — позиционирование себя как единственно возможного гаранта безопасности и политической стабильности, а также арбитра при возникающих конфликтах.

Китай, в свою очередь, заинтересован как в политической и социально-экономической стабильности региона, так и в наращивании собственного экономического присутствия, особенно

в нефтегазовом секторе, и развитии местной инфраструктуры, особенно транспортной. При этом для китайского политического руководства оба аспекта взаимосвязаны. Высокий уровень инвестиций должен привести к росту благосостояния населения стран Центральной Азии и, соответственно, к снижению вероятности возникновения острых кризисных ситуаций. При этом интенсификация экономического присутствия КНР, очевидно, направлена не только на «умиротворение» региона, но и создание плацдарма для укрепления собственных лидерских позиций уже в глобальном масштабе [11].

«Коллективный Запад», в частности США, после неудачных попыток насильственной демократизации ряда восточных государств и существенного роста материальной нагрузки в связи с проведением военных операций в Афганистане и Ираке, был вынужден снизить интенсивность своего политического воздействия на страны Центральной Азии, ограничившись адресной экономической помощью. На сегодняшний день Соединенные Штаты не могут себе позволить ни инициировать крупные экономические проекты в регионе, ни предложить устраивающую политические элиты региона политическую повестку, ни значительно нарастить военное присутствие, ни, соответственно, сформировать лояльные им интеграционные структуры. Однако регион Центральной Азии все равно продолжает вызывать значительный интерес у американского политического руководства. Это обусловлено необходимостью поиска наименее затратных способов по обеспечению стабильности в Афганистане, а также сдерживанием двух своих основных геополитических конкурентов: России и Китая.

Оба аспекта, с точки зрения США, взаимодополняют друг друга. В случае, если удастся переложить ответственность за сдерживание радикального исламизма и экстремизма в Афганистане на какую-либо из конкурирующих сторон, она будет нести значительные издержки, что снизит ее возможность по наращиванию своего влияния в других регионах. При этом для американской политической элиты важно не допустить существенного повышения уровня кооперации и взаимодействия между Россией и Китаем, что может стать основанием для формирования в регионе крупного интеграционного блока, способного бросить вызов западным институтам. Более того, для Соединенных Штатов также приоритетной задачей становится способствование политиче-

скому и экономическому соперничеству между Россией и Китаем в Центральной Азии, где их интересы сильно переплетены и взаимосвязаны.

Таким образом, дальнейшее развитие интеграционных процессов в Центральной Азии с уче-

том интересов внешних акторов будет зависеть от разрешения целого ряда уже существующих и потенциальных конфликтных ситуаций, а также поиска точек соприкосновения в тех сферах, где сотрудничество неизбежно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кривопапов А.А., ред. От Туркестана к Центральной Азии: политическое будущее региона. М.: Научный эксперт; 2016.
2. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy Towards Central Asia. *Pacific Affairs*. 2006;79(2):205–224.
3. Исакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии Россия, США и Китая. *PolitBook*. 2014;(4):8–51.
4. Малышева Д.Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(5):101–108.
5. Братерский М.В., Суслов Д.В. Россия, США и Китай в Центральной Азии. *США и Канада: Экономика, Политика, Культура*. 2015;(4):3–17.
6. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic, Carnegie Endowment for International Peace, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.
7. Тофан А.В. Стратегические интересы США, России и Китая в Центральной Азии на современном этапе. *Интерактивная наука*. 2016;(10):86–90.
8. Шенин С.Ю. Текущая политика США в Центральной Азии: группы интересов и возможности для консенсуса. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2017;(12):79–95.
9. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11652?seq=1#metadata_info_tab_contents.
10. Щерба К.Д. Политические особенности формирования интеграционных институтов Евразийского экономического союза. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2019;(3):75–86.
11. Махаматов Т.Т. Диалектика цивилизаций Запада и Востока в Новом великом шелковом пути. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(2):47–53.

REFERENCES

1. Krivopalov A.A., ed. From Turkestan to Central Asia: The political future of the region. Moscow: Nauchny expert; 2016. (In Russ.).
2. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy Towards Central Asia. *Pacific Affairs*. 2006;79(2):205–224.
3. Isakova G.K. Regional Security in Central Asia and the Strategies of Russia, the USA and China. *PolitBook*. 2014;(4):8–51.
4. Malysheva D. B. Post-Soviet States of Central Asia in the Politics of China. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2019;63(5):101–108. (In Russ.).
5. Bratersky M. V., Suslov D. V. Russia, the USA, and China in Central Asia. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: Economy, Politics, Culture*. 2015;(4):3–17. (In Russ.).
6. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic, Carnegie Endowment for International Peace, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>.
7. Tofan A. V. Strategic interests of the United States, Russia, and China in Central Asia at the present stage. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2016;(10):86–90. (In Russ.).
8. Shenin C. Y. Current US policy in Central Asia: Interest groups and opportunities for consensus. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2017;(12):79–95. (In Russ.).

9. Wishnick E. Russia, China, and the United States in Central Asia: Prospects for Great Power Competition and Cooperation in the Shadow of the Georgian Crisis. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2009. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11652?seq=1#metadata_info_tab_contents.
10. Shcherba K.D. Political features of the formation of integration institutions of the Eurasian Economic Union. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika = Bulletin of the Moscow University. Series 27: Globalistics and Geopolitics*. 2019;(3):75–86. (In Russ.).
11. Mahamatov T.T. Dialectics of civilizations West and East in the New Great Silk Road. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(2):47–53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Эдуардович Безруков — аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия

bezrukova2012@mail.ru

Константин Александрович Иванов — заместитель директора Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия

jj22@ya.ru

Екатерина Сергеевна Чимирис — кандидат политических наук, руководитель Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

chimiris@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Alexey E. Bezrukov — Analyst at the Center for Socio-Political Research of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

bezrukova2012@mail.ru

Konstantin A. Ivanov — Deputy Director of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

jj22@ya.ru

Ekaterina S. Chimiris — Cand. Sci. (Political Sciences), Head of the Centre for Socio-political Studies of the Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

chimiris@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Е.С. Чимирис — разработка концепции, редакция и подготовка к публикации.

А.Э. Безруков — поиск и систематизация материалов, написание текста.

К.А. Иванов — анализ отдельных тематических направлений.

Declared contribution of the authors:

E.S. Chimiris — concept development, editing and preparation for publication.

A.E. Bezrukov — search and systematization of materials, writing the text.

K.A. Ivanov — analysis of individual thematic areas.

Статья поступила 03.02.2021; принята к публикации 30.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.02.2021; accepted for publication on 30.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.